

КАЗИС ЛАБАНАУСКАС (Москва)

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ВРЕМЯ НЕНЕЦКОГО ГЛАГОЛА

В научной литературе по ненецкому языку принято считать, что изъявительное наклонение ненецкого глагола имеет три времени: неопределенное (без показателя), прошедшее (-š) и будущее (-ngu, -da, -ta).

Согласно Н. М. Терещенко, неопределенное время имеют все глаголы как со значением совершенности, так и со значением несовершенности действия.¹ Например: лит. *тыкы сер" ихидани ни ханас* "этот случай не выходит у меня из головы" (Терещенко 131); тайм. *hadaβemī junḡu* 'у меня нет добычи'; лесн. *ʃsʔkkimannŋ kañǎǎβǎkku joʒuŋŋŋ* 'Da hindurch verschwand Mōwe' (Lehtisalo 102). В примерах налицо три формы неопределенного времени: *ни ханас* "не выходит", *junḡu* "нет", *joʒuŋŋŋ* "исчезла".

Изучение неопределенного времени началось давно. В литературе есть немало описаний структуры и основных значений этого времени, не одна попытка решить вопрос о его происхождении. Отметим здесь самое существенное. В трудах М. А. Кастрена, Г. Н. Прокофьева, Й. Ангере, Б. Коллиндера и П. Хайду неопределенное время рассмотрено в описательном плане.² Подытожив мнения этих исследователей, можно убедиться, что их понимание сущности неопределенного времени в основном то же, что и у Н. М. Терещенко.

История становления и развития неопределенного времени затронута в работах Й. Дьёрке³ и Б. А. Серебренникова. На наш взгляд, наиболее убедительна гипотеза о происхождении неопределенного времени, выдвинутая Б. А. Серебренниковым. Суть ее сводится к следующему. Именуя ненецкое неопределенное время настоящим, исследователь относит его к первому типу настоящих времен в уральских языках, в которых личные окончания присоединяются непосредственно к основе глагола. Однако ненецкое настоящее резко отличается от настояще-будущих времен в финно-угорских языках тем, что оно может иметь значение прошедшего времени. Типологическое сходство ненецкого неопределенного с финским настоящим дает возможность предпо-

¹ Н. М. Терещенко, Краткий грамматический очерк ненецкого языка. — Ненецко-русский словарь, Москва 1965, стр. 895.

² М. А. Castrén, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854, стр. 374—375; Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, стр. 40; J. Angere, Die uralo-jukagirische Frage, Uppsala 1956, стр. 102—113; B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala 1960, стр. 245; P. Hajdú, Chrestomathia Samoiedica, Budapest 1968, стр. 61—62.

³ J. Györke, Volt-e a magyarban -u-, -ű- praeteritum-képző? — NyK LI 1941, стр. 60—61.

лагать, что это глагольное время ненецкого языка когда-то было настоящим. По мере того как суффиксы длительного вида получали функцию показателей настоящего времени, чистая основа глагола пересмысливалась как носитель видового значения совершенности действия. Вслед за этим от древнего настоящего времени определилось новое настоящее время, показателем которого стали видовые суффиксы. Древнее же настоящее время ненецкого языка получило значение прошедшего времени совершенного действия.⁴

В данной статье ограничимся рассмотрением двух сторон неопределенного времени: показателя времени и специфики претеритального значения.

1. Показатель неопределенного времени. Большинство исследователей придерживается мнения, что неопределенное время ненецкого языка не имеет показателя. Действительно, в формах типа *manzara* 'он работает', *to* 'он пришел', которые нередко приводятся в качестве иллюстрации, нет показателя этого времени. Однако нам известно мнение Г. Д. Вербова о том, что в лесном наречии ненецкого языка личные формы глаголов содержат морфему *-ηα-*, которая является показателем аориста (= неопределенного времени). Приведем несколько примеров: лесн. *kəλ'λ'e'en mĭĕŋŋāt* 'Allein bin ich' (Lehtisalo 101); *še''eβ jāl'λ'əp jāyγūŋŋ* 'Sieben Tage ist er fort' (Lehtisalo 141—142); *kōnnam-mättō ŋĭĕλ'ŋō pĭmĭmettō je'kkāŋŋ* 'Vor dem Einschlafen zog sie ihre Hosen aus' (Lehtisalo 83).

Однако в этом же наречии можно найти немало форм неопределенного времени без *-ηα-*: *kūŋŋānŋŋ mĭĕ* 'Wo ist sie?' (Lehtisalo 141); *tšōŋŋəp ŋĭ tārv''* 'Ein Fuchs ist nicht nötig' (Lehtisalo 590); *ŋĭmĭmĭ jĕā βāĕĕt pātorū ŋāĕĕ'rā''* 'Auf die Seite eines anderen Landes befördern sie Briefe' (Lehtisalo 607).

В формах неопределенного времени тундрового наречия ненецкого языка тоже имеется морфема *-ηα-*. Показательнее других формы, образованные от глагольных основ 2-й группы II класса. На наличие здесь *-ηα-* уже не раз указывалось в литературе, например: *пэрца* 'он делает', *ми'ца* 'он отдал'.⁵

Та же морфема обнаруживается и в формах, образованных от глаголов 1-й группы II класса, если учесть возможность восхождения *-η-* к **-nŋ-*, отмеченную Т. Лехтисало.⁶ Например: *mĭŋa* < *mĭnŋa* 'он идет' (от *mĭn-* 'идти'), *pĕŋada* < *pĕnŋada* 'он положил' (от *pĕn-* 'положить'), *nošĭŋa* < *nošĭnŋa* 'он охотится на песцов' (от *nošĭn-* 'охотиться на песцов') и т. д. В формах же, образованных от глаголов I класса, не всегда удается обнаружить *-ηα-*.

Примеры с *-ηα-*: *maŋ' tərĕm''* *χāŋŋaŋŋāβ* 'ich sagte/«trug vor»/so', *māĭtt' iādaŋam''* 'ich trat in das zelt', *χāĕĕ' χarβaŋŋam'* 'ich will weggehen'⁷; *мэненгава* (Истомин I 3) 'мы любим', *ямангава* (Истомин III 11) 'мы не можем', *манэтанга* (Лапцуй) 'она увидела', *мюсецани* (Ледков 12) 'мы (дв.) кочуем', *иленгава* (Юганпелик 24) 'мы живем'.

⁴ Б. А. Серебrenников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964, стр. 80, 87—88.

⁵ З. Н. Куприянова, Л. В. Хомич, А. М. Щербакова, Ненецкий язык, Ленинград 1961, стр. 117.

⁶ T. Lehtisalo, Über die primären urralischen ableitungssuffixe, Helsinki 1936 (MSFOu LXXII), стр. 142.

⁷ Там же, стр. 143.

Примеры без *-ηa-*: *пирця хардахана илева* 'мы живем в высоком доме' (Терещенко 139), *вында мэне* 'он любит свою тундру' (Терещенко 269), *манзь ханада* 'он заговорил' (Терещенко 735), фольк. б.-з. *Си'ивда Ноёця пинери' яда* (ЭПН 64) 'Сив Ноёця все вперед идет', м.-з. *Ламдо' не нюм' мэван' харвам'* (ЭПН 199) 'Я хочу взять дочь Ламдо' (ЭПН 205); *Тикы мюсеван'а' ирий' мюсева'* (ЭПН 214) 'На этот раз кочуем месяц' (ЭПН 225).

Почему в некоторых формах неопределенного времени тундрового наречия ненецкого языка нет *-ηa-*, особенно если эти формы образованы от глаголов на гласную основу? Как нам кажется, отсутствие *-ηa-* объясняется переходом **-η- > ∅*, возможность которого обнаружена Г. Лехтисало при анализе энецких форм неопределенного времени *pōaro'*, *pōado'*, *koabo*, *kuabo*.⁸ Следовательно, нен. *taña* (эн. *tongā*) 'имеется' < **tañaa* < **tañaηa*, *ha* (эн. *kāa*) 'он умер' < **haa* < **haηa*, *to* (эн. *tua*) 'он пришел' < **toa* < **toηa*, *ni* (эн. *noa*) 'он стоит' < **nua* < **niηa* и т. д.

Важно подчеркнуть, что не только в ненецком языке обнаруживается нулевая замена показателя неопределенного времени. Согласно П. Хайду, при образовании селькупского аориста происходит переход показателя времени *-η-* (*-ηa-*, *-ηi-*, *-ηā-*) в *-∅-*, если аорист образуется от гласных основ.⁹

Отсюда следует, что если среди форм неопределенного времени тундрового и лесного наречий ненецкого языка есть такие, где не видно показателя *-ηa-*, то это еще не значит, что в них никогда не было его или его следов. При определенных фонетических условиях, которые еще предстоит изучить, показатель *-ηa-* иногда мог редуцироваться вплоть до *∅*-морфемы. Что касается употребления *-ηa-* в формах неопределенного времени, встречающихся в эпических песнях и стихотворениях (при отсутствии *-ηa-* в аналогичных формах в разговорной речи современных ненцев), то это объясняется особой нуждой использовать в фольклоре и поэзии архаизмы, в том числе и морфологические.

Итак, рассмотрев разные формы неопределенного времени в тундровом и лесном наречиях ненецкого языка, находим в них морфему *-ηa-*, хотя и не везде. Как уже отмечено, Г. Д. Вербов считал эту морфему временным показателем. Известно также мнение Б. А. Серебренникова, что *-ηa-* (или *-a-*) играет роль своеобразного показателя настоящего времени.¹⁰

С исторической точки зрения, показатель *-ηa-*, возможно, генетически связан с суффиксом вида множественно-прерывистого действия *-ηga-* и когда-то употреблялся в качестве показателя древнего ненецкого настоящего времени. Возможность этой связи до некоторой степени подтверждают отдельные формы настоящего времени в южных самодийских языках, где показателями времени служат суффиксы *-nk-*, *-ηη-*, *-ηā-*, *-go-*, *-ga-*, *-nga-*. Например: сельк. *nynkaη* (Castrén 284), *niηyiko* (M. A. Castrén, T. Lehtisalo, *Samojedische Sprachmaterialien*, Helsinki 1960 (MSFOu 122), стр. 323) 'я стою', кам. *miñam* (Castrén 226) 'я иду', мотор. *kondorgom* 'ich sehe', *tenyngam* 'ich weiß'¹¹, тайги *dschárangam* 'lacrymo' (T. Lehtisalo, *Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe*, стр. 145).

⁸ T. Lehtisalo, *Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe*, стр. 144.

⁹ P. Hajdú, *Chrestomathia Samoiedica*, стр. 145.

¹⁰ Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, стр. 91—92.

¹¹ I. v. Klaproth, *Wörterverzeichnisse der Koibalen und Motoren*. — *Fundgruben des Orients* 5, Wien 1816, стр. 62—67.

Однако наш материал пока не позволяет проследить историю становления и развития показателя *-ηa-*.

Подводя итог, можно было бы вслед за Г. Д. Вербовым констатировать наличие у неопределенного времени ненецкого глагола особого показателя *-ηa-*. Но имеется замечание Н. М. Терещенко относительно этого *-ηa-*. На нем придется остановиться. В новой монографии по синтаксису самодийских языков Н. М. Терещенко, указав на известное мнение Г. Д. Вербова о наличии временного показателя *-ηa-* у аориста в пуровском говоре лесного наречия ненецкого языка, поставила вопрос: «почему в пуровском говоре указанная морфема наличествует не только в формах неопределенного времени, но имеется и в формах прошедшего времени». ¹²

Действительно, в лесном наречии ненецкого языка есть такие формы прошедшего времени, в состав которых входит *-ηa-*: *pōñkātš ηāj ηīt-tī ηāťš... fšìkkežäët kattañηāťš* 'Ihr Netz hingen sie abermals auf... Dann töteten sie ihn' (Lehtisalo 80). Правда, и здесь не везде видно *-ηa-*: *ñimmqš mannäš*'⁷ 'Ich habe nicht... gesehen' (Lehtisalo 143); *fšìèηqj*' *māššej*' 'Er sagte doch gestern' (Lehtisalo 411). В тундровом наречии ненецкого языка — то же самое. В формах прошедшего времени с показателем *-š* встречается (хотя и не везде) морфема *-ηa-*: *панэми сэдарабтаванзь ми*'⁷ *навась* 'я отдала сшить себе платье' (Терещенко 582), *нявако*' *пумна хунгырчаманзь* 'я гонялся за зайцем' (Терещенко 782), *тарингась* (Истомин I 7) 'он дал', *танянгась* (Истомин I 15) 'имелось'. Но и без *-ηa-*: *тюку маркяна нока по*' *илець* 'в этом городе они прожили много лет' (Терещенко 139); фольк. б.-з. *навна тарцяхава*' *таняць* (ЭПН 62) 'прежде были такие' (ЭПН 80).

Но все дело в том, что из упомянутого вопроса Н. М. Терещенко не ясно, в каком именно прошедшем времени ненецкого языка надо объяснить наличие морфемы *-ηa-*: в древнем прошедшем с показателем **-sV*, которое ныне переосмыслено в интеррогатив (вопросительное наклонение с оттенком прошедшего времени), или в новом прошедшем времени с показателем *-š*, возникшем из синтеза форм неопределенного времени и претеритальной праформы глагола *ηε-* 'быть'.

В формах древнего прошедшего времени с показателем **-sV-* (ныне интеррогатив) не встречается морфема *-ηa-*: м.-з. *Хора ядоп оласарув?* (ЭПН 551) 'Ты накормила собаку?' (ЭПН 562), *Нуд ху хэя?* (ЭПН 699) 'Куда уехали твои родственники?' (ЭПН 707), лит. *тей яля ханяна мэсан?* 'где ты был вчера?' (Терещенко 271). В *s-*овом прошедшем времени нганасанского и селькупского глаголов тоже не появляется ни одного показателя презенса и аориста. Ср. нган. *mīndīti* 'он несет' — *mīndišə* 'он нес', *basutu* 'он охотится' — *basujuo* 'он охотился', *kona*'^a 'он ушел (недавно)' — *konide* 'он ушел (в прошлом)'; сельк. *ilak* 'я живу' — *ilšak* 'я жил', *tyñak* 'я пришел' — *tysak* 'я пришел (в прошлом)'. ¹³

В формах же нового прошедшего времени с показателем *-š*, как показано выше, морфема *-ηa-* встречается. Может создаться впечатление, будто это прошедшее время имеет сразу два показателя времени. Это странное явление можно попытаться объяснить.

¹² Н. М. Терещенко, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград 1973, стр. 168.

¹³ Г. Н. Прокофьев, Селькупская грамматика, Ленинград 1935, стр. 65—66.

Нам известны мнения И. Н.-Шебештьен и Б. А. Серебренникова о происхождении нового ненецкого прошедшего времени и его показателя $-š$.

Согласно И. Н.-Шебештьен, «Verbalnomem» кондиционалиса от глагола 'быть', образованный с суффиксами $*-ša$, $*-še$, $*-šaj$, $*-šej$, первоначально присоединялся к «Verbalnomem» с личными окончаниями как самостоятельный член. Затем, потеряв свою самостоятельность, он стал окончанием.¹⁴

Б. А. Серебренников полагает, что в ту эпоху, когда в ненецком языке было распространено *s*-овое прошедшее время, 3-е лицо единственного числа прошедшего времени (от глагола $*i-$ 'быть' — К. Л.) могло иметь форму $i-s-a$ или $i-s-e$. В связи с необходимостью в образовании длительного прошедшего времени формы прошедшего времени вспомогательного глагола 'быть', будучи сочетаемыми с формами аориста, оказались удобным строительным-материалом для создания современного ненецкого прошедшего с показателем $-š$.¹⁵

Если произошло именно так, то вполне допустимо, что прошедшее время на $-š$ могло сохранить хотя бы некоторые элементы того времени, на основе которого оно возникло, среди них и морфему $-ηa-$. Насколько нам известно, морфема $-ηa-$ в составе форм нового ненецкого прошедшего времени уже потеряла свою исконную смысловую функцию.¹⁶

Следовательно, морфема $-ηa-$ в составе форм прошедшего времени на $-š$ имеет пережиточный характер, во всяком случае ее присутствие здесь не влияет отрицательно на решение вопроса о ее функции в качестве показателя неопределенного времени. Следует подчеркнуть, что Г. Д. Вербов, высказав мнение о наличии временного показателя $-ηa-$ у аориста в пуровском говоре лесного наречия ненецкого языка, был совершенно прав.

2. Претеритальное значение неопределенного времени. Уже отмечалось, что неопределенное время ненецкого глагола может выражать и совершившееся действие. Претеритальное значение этого времени не раз привлекало внимание исследователей. Наиболее детальный анализ семантики аориста проведен в труде И. Ангере.¹⁷ На основе этого анализа можно заключить, что претеритальное значение ненецкого неопределенного времени есть по сути своей перфектное значение.

На наш взгляд, претеритальное значение неопределенного времени не может быть только перфектным, поскольку это время в значении прошедшего совершенного употребляется в разных контекстах.

2.1. Употребление неопределенного времени в перфектном значении. В этом случае неопределенное время обозначает действие, которое совершилось до момента речи (чаще в недавнем прошлом), результат которого актуален для более позднего временного плана — настоящего или будущего. Неопределенное время в перфектном значении употребляется и в прямой речи говорящего, и в авторском повествовании. Примеры: м.-з. разг. *hal̄mer jahan'male iamdejna*", *teda' tañana matsaβej*

¹⁴ I. N.-Sebestyén, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII (1—3) 1970, стр. 199—200.

¹⁵ Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, стр. 108.

¹⁶ Правда, при объяснении наличия $-ηa-$ в формах прошедшего времени с показателем $-š$ есть еще много неясного, поскольку, в частности, не удается определить, на какой стадии формирования современного ненецкого неопределенного времени возникло это прошедшее время — то ли на базе древнего ненецкого настоящего времени с показателем $*ηCV-$, то ли позже.

¹⁷ J. Angere, Die uralo-jukagirische Frage, стр. 106—110.

нива'' мы перекочевали к реке Хальмер Яха, теперь там стоим чумами', *tī, ŋakar tabšedēn' haĵa, feda' aporiņę hažer' jilegun* 'вот, твой старший брат уехал в Табседу, теперь один как будешь жить'; фольк. *Тедә' пиваць, тедә' мале сырана' пеляда ваера* (ЭПН 515) 'Мы бы теперь тронулись, но уже прошла половина зимы' (ЭПН 535); ям. *Нгару' тандая «Мужевской» совхозхана нгамзангэ ты хадабава пэй* (ННг 13/II 1970) 'Только что в совхозе «Мужевский» начался забой оленей на мясо'; лесн. *mañ ħuršmēžkkuñāt. še''ej ħiññun ju'tčar''!* 'Ich machte Scherz. Schlage mich nicht! (Lehtisalo 133).

2.2. Использование неопределенного времени в аористическом значении. Неопределенное время в этом значении служит для выражения совершившегося действия (или ряда сменяющихся друг друга действий) как конкретного факта прошлого без указания на последствия, актуальные для более позднего временного плана. Насколько позволяет судить наш материал, неопределенное время в аористическом значении употребляется чаще в авторском повествовании. Примеры: м.-з. фольк. *Ябтако Носитэта пин' тарпы'. Тет падвэмда ня'ма, подерџида, эдалэй'* (ЭПН 201) 'Ябтако Носитэта вышел на улицу. Он поймал своих четырех пестрых оленей, запряг. Поехал' (ЭПН 207), лесн. *měāt tǎžβem, tšičēt ratšier taŋ ščārnam. mčāt tšuzuri''em* 'In dem Zelte kam ich an, die vier Weissbrüstigen band ich dort an. Ich trat in das Zelt' (Lehtisalo 406).

2.3. Использование неопределенного времени в значении прошедшего совершенного гномического. Претеритальное значение как гномическое обычно возникает, когда формы неопределенного времени употребляются в пословицах, поговорках и загадках. Примеры с загадками: ям. *Еся мята мюд нись нгадю хая* (ННг 7/VIII 1970) 'Незаметно вышла из железного чума'; лесн. *jǎχpǎkku''ūĵi tat kajjǎv, māryannvǎ tat tom, mčēnǎvǎ* 'Ein kleiner Fluss begab sich dann, am Oberlauf machte er dann einen See' (Lehtisalo 607).

2.4. Использование неопределенного времени в значении позднего прошедшего совершенного. В вышеприведенных примерах формы неопределенного времени с претеритальным значением встречались либо одиночно, либо наряду с формами других времен и наклонений. Представляется целесообразным привести и такие примеры, где наряду с формами неопределенного времени встречаются формы прошедшего времени на -š, что поможет понять специфику рассматриваемого значения неопределенного времени. М.-з. фольк. *Муг нюдя Тасиний' лэбаран' тебась, тэри ханда ни' лясэй'* (ЭПН 435) 'Стрела попала прямо в грудь Младшему Тасиний, он упал на нарту' (ЭПН 452); б.-з. *Маня' цаха'на товаць. Ты мал' тайна'* (ЭПН 119) 'Мы давно приехали. Оленей всех пригнали' (ЭПН 146); ям. лит. *Валакада тикы падаро' нгэвахы вадари сававна падавари хаись, тад тикахад падаро' нгыл' падтамаку сертавари хаи* (Истомин II 15) 'Только осталось красиво написать заглавные слова, затем осталось внизу сделать рисунки'.

Здесь значение совершенности действия имеют формы как прошедшего на -š, так и неопределенного времени: *тебась* 'попала' — *лясэй'* 'он упал', *товаць* 'мы приехали' — *тайна'* 'мы пригнали', *хаись* 'осталось' — *хаи* 'осталось'. Наличие двоякого способа выражения значения совершенности действия обуславливает возможность спроектировать действие в разную временную глубину прошлого. Если *тебась* передает действие, происшедшее когда-то раньше, то действие *лясэй'* спроектировано в более позднюю временную глубину, хотя и до момента речи. В этом, по нашему мнению, состоит разница между значениями совер-

шенности действия обоих времен. Однако надо отметить, что в современном ненецком языке нередко возникает недостаточно четкое противопоставление неопределенного и прошедшего времен со значением совершенности действия. Это неудобство, видимо, устраняется тенденцией к более частому употреблению неопределенного времени (= аориста) с претеритальным значением. На более частое употребление неопределенного времени указывала Н. М. Терещенко.¹⁸

Заключение

1. В статье сделана попытка рассмотреть два вопроса, касающиеся неопределенного времени ненецкого языка: наличие показателя и специфика претеритального значения.

2. Исследованный материал дает нам возможность сделать тот же вывод, что 38 лет назад сделал Г. Д. Вербов, изучив лесное наречие ненецкого языка: у неопределенного времени изъявительного наклонения есть показатель *-ηа-*.

Конечно, наше исследование этого показателя не является исчерпывающим. Пока остается неясным, как возник *-ηа-*, какова его генетическая связь с суффиксом множественно-прерывистого действия *-ηга-*, какой была первоначальная функция *-ηа-* и как она изменилась в ходе формирования современного ненецкого неопределенного времени. Еще раскрыты не все причины, под действием которых показатель *-ηа-* в формах неопределенного времени не везде явен и не всегда регулярно появляется.

3. Неопределенное время может обозначать совершившееся действие. Это претеритальное значение в зависимости от контекста, где употреблены формы неопределенного времени, может быть перфектным и аористическим, реже гномическим.

Сокращения

Б.-з. — большеземельский говор тундрового наречия ненецкого языка, **лесн.** — лесное наречие ненецкого языка, **м.-з.** — малоземельский говор тундрового наречия ненецкого языка, **тайм.** — таймырский говор тундрового наречия ненецкого языка, **ям.** — ямальский говор тундрового наречия ненецкого языка.

Истомин I — И. Истомин, Вынггы нгацекы', Тюмень 1959; **Истомин II** — И. Истомин, Пудана ямдава, Тюмень 1962; **Истомин III** — И. Истомин, Хаер ваал, Свердловск 1971; **Лапцуй** — Л. Лапцуй, Ямал не. — ННг 7/IV 1972; **Ледков** — Василий Ледков, Нгэсын тер' нгацекэхэ', Ленинград 1960; **ННг** — газета «Нярьяна Нгэрм» на ненецком языке, издаваемая в г. Салехарде Тюменской области; **Терещенко** — Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965; **ЭПН** — Эпические песни ненцев, Москва 1965; **Юганпелик** — И. Юганпелик, Нгэрмдер нгацекы', Тюмень 1962; **Castrén** — M. A. Castrén, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1855; **Lehtisalo** — T. Lehtisalo, Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki 1947 (MSFOu XC).

¹⁸ Н. М. Терещенко, Краткий грамматический очерк ненецкого языка. — Ненецко-русский словарь, Москва 1965, стр. 895.

KAZYS LABANAUSKAS (Moskau)

DAS UNBESTIMMTE TEMPUS DES NENZISCHEN VERBS

Das unbestimmte Tempus bezeichnet sowohl die sich vollziehende als auch die soeben vollzogene Handlung. Dieses Tempus wurde schon vielfach in der samojedischen Fachliteratur erörtert.

Im Artikel werden nur zwei Fragen berührt: 1. Gibt es beim unbestimmten Tempus ein eigenes Kennzeichen? 2. Worin besteht das Spezifikum der präteritalen Bedeutung dieses Tempus?

Vor 38 Jahren kam G. Verbov (ein hervorragender Kenner des Tundra- und Waldnenzischen) auf den Gedanken, daß der Aorist (= das unbestimmte Tempus) im Waldnenzischen das Morphem -ηα- als Tempussuffix habe. Gegenwärtig wird diese Idee G. Verbovs von N. Teresčenko in Frage gestellt. Jedoch versuche ich zu beweisen, daß G. Verbov recht hatte.

Die präteritale Bedeutung des unbestimmten Tempus kann nicht nur perfektiv, sondern auch aoristisch sein. Hier spielt der Kontext eine Rolle.

Scherz Schläge nicht nicht! (Lehtisaia 430).

2.2. Устроение неопределённого времени в языке тундрно-лесных энцефалитов. В статье рассматриваются вопросы строения неопределённого времени в языке тундрно-лесных энцефалитов. Автор высказывает предположение, что в языке тундрно-лесных энцефалитов неопределённое время имеет аористическую форму. Это предположение основано на анализе форм неопределённого времени в языке тундрно-лесных энцефалитов. Автор приводит примеры из языка тундрно-лесных энцефалитов, подтверждающие это предположение. В заключение автор делает вывод, что неопределённое время в языке тундрно-лесных энцефалитов имеет аористическую форму.

2.4. Устроение неопределённого времени в языке тундрно-лесных энцефалитов.

В статье рассматриваются вопросы строения неопределённого времени в языке тундрно-лесных энцефалитов. Автор высказывает предположение, что в языке тундрно-лесных энцефалитов неопределённое время имеет аористическую форму. Это предположение основано на анализе форм неопределённого времени в языке тундрно-лесных энцефалитов. Автор приводит примеры из языка тундрно-лесных энцефалитов, подтверждающие это предположение. В заключение автор делает вывод, что неопределённое время в языке тундрно-лесных энцефалитов имеет аористическую форму.

В заключение автор делает вывод, что неопределённое время в языке тундрно-лесных энцефалитов имеет аористическую форму. Это предположение основано на анализе форм неопределённого времени в языке тундрно-лесных энцефалитов. Автор приводит примеры из языка тундрно-лесных энцефалитов, подтверждающие это предположение.